

Белгородский государственный университет

**ЮГ РОССИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ:
ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА**

Сборник научных трудов
IV Международной научной конференции

г. Белгород, 8 декабря 2006 г.

В 2 томах

Том 2

Белгород
2007

Part 4. PROBLEMS OF HISTORY OF CULTURE AND SCIENCE
OF THE SOUTH OF RUSSIA

<i>Maslov Yu.N.</i> FROM HISTORY OF THE COMMERCIAL EDUCATION IN PRE-REVOLUTION RUSSIA (1772-1896).....	249
<i>Kulabukhov V.S.</i> FORMATION OF THE HERALDIC SERVICE IN RUSSIA AND ITS WORK ON TERRITORIAL EMBLEMS CREATION (BELGOROD'S EMBLEM AS AN EXAMPLE).....	253
<i>Yemelyanova M.I.</i> RUSSIAN TRADITIONAL WOMEN CLOTHES IN OSKOL'S LAND.....	266
<i>Semenov M.Yu.</i> PROVINCIAL CULTURE IN LATE XIX – EARLY XX AS A PART OF ALL-RUSSIA CULTURAL-HISTORIC SPACE (ENLIGHTENMENT ACTIVITIES OF “SOCIETY FOR ELEMENTARY EDUCATION PROMOTION” IN THE KURST PROVINCE).....	288
<i>Tereshchenko D.A.</i> AGRICULTURAL INSTITUTION IN CTIES OF KURSK REGION IN THE OTHER HALF OF THE XIX-TH – THE BEGINNING OF THE XX-TH CENTURY.....	295
<i>Shatohina S.B.</i> THEATRE AND ART IN LIFE OF THE KURSK PROVINCE INTELLIGENTSIA IN LATE XIX CENTURY.....	303
<i>Kasatkin V.P., Korobkov V.S.</i> EDUCATIONAL SCHOOL IN THE BLACK SOIL REGION IN THE SECOND DECADE OF XX CENTURY.....	308
Information about Authors	313

Раздел 1

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ЮГА РОССИИ

**К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
КАЗАЦКОЙ ЭЛИТЫ ГЕТМАНЩИНЫ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII – XVIII ВВ.)**

Кондратьев Игорь Викторович

*Черниговского государственного педагогического университета
им. Т.Г. Шевченко*

Любечская шляхта – это социально-территориальная общность, которая существовала в Северном Левобережье Украины на протяжении XV – XVIII вв. В работе проанализирована роль любечской шляхты в истории Украины раннеמודерного периода, ее участие в формировании новой казацкой старшинской элиты и строительства гетманского государства. Ключевые слова: Северное Левобережье Украины, Любечский замок, служебная шляхта, бояре, земляне, казацкая старшина.

The Liubech's shliakhta – the social forming with its territory, that existed in the Northern Left-bank Ukraine in XV – XVIII century. The work analysed is the first one to lighten the role of Liubech's shliakhta in Ukraine's early modern history, its place in the forming process of kossak's upper class and the building of hetman's state.

Key words: The Northern Left-bank Ukraine, The Liubech's castle, the military serving shliakhta, boyars, zemyani, kossak's upper class.

Новое государство построенное Б.Хмельницким на Левобережной Украине во время Национальной революции украинского народа середины XVII в. опиралось на новую социальную элиту (т.н. “новую шляхту”), которая состояла из казацкой старшины, значного войскового товарищества и старой “дореволюционной” шляхты. Именно эта общность стала новым носителем власти, формировала новые идеологические концепции, сутью которых стала последовательная борьба за защиту основ украинской автономии и сохранения “старых порядков” – неизменности имущественных и личных прав аналогичных шляхетским.

В трудах историков вопрос происхождения этой элиты обходится стороной. Как бы само собою предполагается, что казацкая старшина вто-

рой половины XVII – XVIII вв. выросла из восставших казаков и крестьян, которые успели занять брошенные польской шляхтой земли и получить на них гетманские универсалы как плату за верную службу, мужество и военные способности. Правда, допускается наличие в этой общности и представителей старой украинской шляхты (прежде всего безземельной), которые были вынуждены во время войны стать казаками.

Исследования персонального состава казацкой старшины Гетманщины позволяют во многом пересмотреть этот тезис в сторону увеличения именно шляхетской составляющей новой элиты. В Черниговском, частично Нежинском и других полках, социальную основу составляла старая “довоенная” шляхта, которая происходила, в основном из служебной шляхты Любечского староства.

Древний Любеч был стратегическим форпостом региона еще в древнерусские времена. С вхождением в XIV в. Любеча и его округа в состав Великого княжества Литовского начался новый этап в развитии региона. С созданием в 1471 г. Киевского воеводства, Любеч получил статус волости. В это время в замковой округе формируется прослойка служебной (обязанной “службами”) или околичной шляхты, которая жила в околичных селах, несла военную службу под командованием, как старосты, так и киевского воеводы, была связана тесными родственными и корпоративными отношениями.

Оформление военно-служебного сословия Любечской волости было прервано кратковременным московским владычеством (1500-1508 гг.)², но уже в первой половине XVI в. в регионе была сформирована прослойка бояр-шляхты (подчинялась замковому наместнику), появились и земляне-шляхтичи (их на войну собирал киевский воевода). В первой половине XVI в., когда Любеч принадлежал семье Гаштольдов³, развитие военно-служилого сословия не останавливалось. В 50-е гг. XVI в. Любеч снова непосредственно подчинялся киевским воеводам, которые назначали на уряд старосты своих наместников. В середине XVI в. Любеч стал центром староства (включало в себя Любечскую и Брагинскую волости, которая в 1564 г. отошла к Мозырскому уезду). После принятия Люблинской унии 1569 г. эта территория вошла в состав Королевства Польского, тогда же Брагинская волость была снова присоединена к Любечскому староству. В 1580 г. из состава староства выделилась новая волость – Лоевская, которая вскоре стала отдельным староством⁴.

Королевские люстрации и тарифы Любечского староства 1571, 1615-1616, 1622, 1628-1629 и 1636 гг. фиксируют постепенное уменьшение количества боярства и, соответственно, увеличение прослойки землян-шляхты (всего в Любечском старостве проживало около 300 шляхетских родов). В свою очередь, земляне получают дедичные (наследованные в третьем поколении) владения, получая при этом формальный шляхетский статус⁵. Именно в конце XVI в. отдельные представители любечской шляхты начинают переходить в казацкие ряды. В реестре низовых (запорожских) казаков, которые участвовали в походе на Москву 1581 г., находим представи-

телей боярских семей Любечской околицы – Стефана Любечанина, Кривковського (Кривковича) и Квиткова “з Любеча”⁶. Из шляхты любечской округи происходили и три реестровых гетмана Войска Запорожского: Григорий Савич-Чорный (1628-1630 гг.) из рода любечских бояр Савичей-Величковских, Василий Томиленко (1637 г.) из рода Томиловичей и Савва Кононович (1638 г.) – представитель рода Кононовичей-Посудевских⁷.

В начале XVII в. любечская шляхта принимала активное участие в военных походах на Москву, её представители участвовали в осаде Смоленска (лето – осень 1609 г.), в частности, это шляхтичи Бакуринские та земляни Пероцкие⁸.

После присоединения в начале XVII в. Чернигово-Северщины к польской Короне государство перестало быть защитником интересов мелкой шляхты, что привело её в ряды восставших казаков. Этому способствовало магнатское проникновение в Любечское староство, когда местную шляхту стали притеснять магнаты Калиновские и Пясочинские. Польские аристократы не брезговали прямым захватом владений. В 40-е гг. XVII в. Черниговский подвоевода Варвинец Кгорецкий забрал у любечских шляхтичей Пузики Пузикившину. После неоднократных жалоб королю он компенсировал им утраченные земельные наделы, отдав часть Бровенщицы в Мишуковском “грунте”. Соответственно, у бояр Мишуковичей была отобрана Мишуковщина, но на этот раз уже без всякой компенсации. Село Рогоща, совместное владение нескольких семей любечских бояр и землян, отобрал черниговский подсудок Якуб Война-Оранский. Земский урядник Ян Стайловский завладел частью Кувечицкой земли землян Кувечичей⁹.

В начале 40-х гг. XVII в. обострилось противостояние любечской шляхты с любечскими старостами и черниговскими воеводами Мартином и Самуэлем Калиновскими (интересно, что Любечское староство не вошло в состав созданного Черниговского воеводства, а осталось в составе Киевского). Причиной конфликта стал отказ шляхты выполнять распоряжения старосты, который хотел вернуть местную шляхту под свою юрисдикцию¹⁰.

Значение Любечского замка как приграничной крепости и наличие околичной шляхты – профессионального войска, объясняют интерес Б.Хмельницкого к любечской шляхте. В то время, когда на Волыни в начале июня начали сосредотачиваться коронные войска, а кровавый карательный рейд Яремы Вишневецкого прошел через Киевщину, в июле 1648 г. на Северщине появился “конфедент” гетмана Петро Головацкий, в прошлом мелкий волынский шляхтич¹¹. Возможно, перед ним стояла задача убедить любечскую шляхту взять участие в украинской революции. Уже в августе 1648 г. казаки овладели Лоевым, вторым по значению городом Любечского староства, а потом и самим Любечем. Шляхту Любечского староства находим в реестре Войска Запорожского 1649 г.: Антоновичи, Бровенские, Гуторы, Гравецкие, Даничи, Игнатовичи, Игравецкие, Казановские, Камские, Костенецкие, Козловские, Пузики, Савичи, Семеновичи, Селецкие, Щуковские, Ждановичи, Зеньковичи, Харабурды¹².

Представителей любечской шляхты были среди соратников Б.Хмельницкого. Любечский шляхтич и реестровый старшина Матвей Гладкий в 1652 г. стал претендовать на булаву, за что был казнен по приказу гетмана. В казацкие ряды пошел Николай Бакуринский со своим младшим сыном Юрием (два старших сына выступили на стороне польской армии). Как повстанец погиб “знатный шляхтич” Иосиф Велецкий. Генеральным писарем Черниговского полка при полковнике Мартыне Небабе был любечский шляхтич Иван Красковский (1649-1651 гг.). С осени 1649 г. в казаки подались шляхтичи Кохановские. Казаками Черниговского полка были Орефа Зарецкий с сынами Иваном и Андреем. Представители любечской шляхты показали себя не только как умелые войны, но и как дипломаты. Войсковой обозный Черниговского полка шляхтич Федор Коробка (Коробок), в апреле 1657 г. был послом Запорожского войска в Москву¹³.

Не только среди старшины, но и среди казаков Черниговского и Нежинского полков встречаем представителей родов любечской шляхты – Даничей (Пероцких), Готор, Юшкевичей, Ждановичей и многих других. На стороне восставших выступили семьи Мишуков и Пузиков, которые потеряли свои владения перед Хмельниччиной. В Киевском полку служили Бакуринские, Готоры, Красовские, Савичи, в Нежинском – Антоновичи, Борсуки, Пероцкие, Тарасевичи, Величковские, Тупичи.

Первым любечским сотником стал внук реестрового гетмана Савича Чёрного “шляхетно урожний” Савва Кононович-Посудевский-Внучко. Эту должность он занимал как минимум до 1669 г. Интересно, что в 1653 г. он, вероятно на всякий случай, получил грамоту польского короля Яна Казимира. А в 1656 г. – универсал гетмана Б.Хмельницкого, получал он универсалы и от гетмана И.Выговского (1657 г.), Ю.Хмельницкого (1660 г.), И. Брюховецкого (1663 г.). В 1669 г. брал участие в выборах гетмана Д.Многогрешного, от которого в 1670 г. также получил универсал¹⁴.

Понимая значение Любеча и его военно-служилой общности, Б.Хмельницкий перевел город в ранговую юрисдикцию черниговских полковников, которые должны были гарантировать любечской шляхте неприкосновенность от восставших крестьянских масс. По некоторым данным, первый охранный универсал любечской шляхте был выдан еще в 1650 г.¹⁵

Как уже говорилось, не все представители любечской шляхты выступили на стороне восставших, часть осталась служить в польско-литовском войске. Война разделила семьи, братьев, отцов и детей.

Любечская шляхта стала возвращать свои земли отобранные перед войной. После бегства польских аристократов одним из первых это сделал С.Болдаковский, который вернул себе с. Рогоща¹⁶.

С созданием новой военно-административной системы, территория Любечского старства была разделена между несколькими сотнями Черниговского полка: Любечской, Черниговской, Городнянской, Роиской, Киселёвской, Новобелойской и Сосницкой. Но большая часть бывшего старства вошла в Любечскую сотню – наибольшую из 16 сотен Черниговского

полка. Со второй половины XVII и до конца XVIII в. любечская шляхта несла сторожевую службу на Днестре – границе с Великим княжеством Литовским.

В новой социальной структуре автономного казацкого государства любечская шляхта занимала важное место. Из семьи любечских шляхтичей Стецких брал свое происхождение “намесник” полковника Василия Золотаренка в Кричеве и любечский сотник Корней Котович. С 1657 по 1663 г. должность Черниговского полковника занимал Аникий Силич. Его родной брат Степан Силич в 1661 и 1670 гг. был полковым черниговским сотником и значковым товарищем. Во время гетманства И.Брюховецкого Степан Силич был лишен всех должностей (назывался только как: “его милости пан, казак и обыватель Черниговский”). Во время гетманства Д.Многогрешного снова стал сотником (1670 г.), а при И.Самойловиче возглавил Черниговскую сотню (1677 г.)¹⁷.

1669 г. Василий Болдаковский был одним из членов Генерального военного суда и черниговским полковым есаулом, в 1673 г. был полковым судьей. В том же году он стал Батуриным сотником (по сути. – командиром столичного гарнизона). С 1672 г. известен генеральный хорунжий Стефан Семаков-Силич¹⁸. В 1679 г. стародубским полковником был Григорий Карпович, а в 1686 г. эту должность занимал Яков Иванович Германевич¹⁹.

Понимая значения любечской шляхты, в этот период все гетманы обращали на неё своё внимание, практически во всех гетманских универсалах шляхта бывшего Любечского старства обязывалась нести военную службу – “ведлуг давнего звичая”.

Гетман И. Выговского (1657-1659 гг.) 23 октября 1657 г. предоставил универсал Савве Унучко-Посудевскому и всей любечской шляхте. Интересно, что исследовательница той эпохи Т.Яковлева, выявила всего три универсала И.Выговского за 1657 г., причем из них два было дано монастырям, и только один любечской шляхте. Возможно, гетман надеялся на поддержку его шляхетско-казацкой группировки со стороны любечских казаков-шляхты²⁰.

Намного больше пожалований известно со времен гетманства Ю.Хмельницкого (1659-1663 гг.). 23 июля 1660 г. универсал получил любечский сотник Савва Унучко вместе с Артёмом Красковским, Иваном Мишуком и “зо всею тамошнею шляхтою”. Не обошел своим вниманием любечскую шляхту и гетман И. Брюховецкий (1663- 1668 гг.). 5 августа 1663 г. под гетманскую “протекцию” был взят Савва Унучко с Алексеем Кривопишею и другими шляхтичами²¹.

В мае 1665 г. черниговским полковником и владельцем Любеча стал Демьян Многогрешный, а в 1668 г. на старшинской раде его выбрали гетманом Левобережной Украины. На выборах гетмана присутствовал любечский сотник Савва Унучко, который вместе с остальной старшиной присягнул ему. Уже в качестве гетмана Многогрешный (1668-1672 гг.) выдал новый универсал любечской шляхте. Интересно, что вскоре гетман

сделал черниговским полковником и соответственно покровителем Любеча своего брата Василия Многогрешного (1672 г.)²².

Еще один черниговский полковник Иван Самойлович (1668-1669 гг.) в 1672 г. стал гетманом. В ближайшем окружении Самойловича находим представителя одной из семей любечской шляхты батуриного сотника Г.Карповича (его предок, любечский землянин Демид Карпович, владел Сельчанской землей, известен из привилегии 1571 г. короля Сигизмунда II Августа)²³.

К потомкам любечской шляхты принадлежали и черниговские полковники Яков (1687-1699 гг.) и Юхим (1699-1704 гг.) Лизогубы. В завещании Я.Лизогуб называл свои земли "отчизными" и "дедизными": "Отчина зас у Величках стоячая: дедовская; а до дедовской еще две части куплений за гроши..."²⁴.

Во времена черниговского полковника Ю.Лизогуба Любеч непосредственно перешел к гетману И.Мазепе (1687-1708 гг.). Среди украинских гетманов именно он уделял Любечу и его военно-служилой общности особенное внимание. В это время был усилен и Любечский замок. Во время расправы над "мазепинцами" в 1708 г. Любеч был пожалован Петром I черниговскому полковнику Павлу Полуботку (1705-1723 гг.). Возможно, что род Полуботков также принадлежал к потомкам любечской шляхты, ведь их родовое гнездо с. Полуботки, находилось на территории так называемого "Любечского острова", неподалеку от владений мелких любечских бояр Левоновичей (с.Левоньки) и Товстолесов (с.Товстолес).

В XVIII в. потомки любечской шляхты продолжали формировать старшинскую верхушку не только Черниговского, но и Нежинского, Киевского, Сумского и Стародубского полков. Вспомним хотя бы Семёна Савича, в 1723 г. заточенного в Петропавловской крепости (вместе с Полуботком и Чернышем). Знаковым товарищем Черниговского полка в 1728 г. был шляхтич Роман Шершанович-Данич. В 1735 и 1738 гг. нежинским полковым обозным был И.Величковский, в 1735 г. черниговским полковым хорунжим – И.Товстолес, 1738 г. нежинским полковым есаулом – А.Володковский. В 1744 г. Генеральная Военная канцелярия предоставила любечскому шляхтичу Федору Яковлевичу Барановскому чин компанейского сотника. Алексея Демидовского находим на уряде батуриного сотника в 1745-1750 гг.²⁵

В 1778-1779 гг. значительная часть высшего состава Черниговского полка состояла из потомков любечской шляхты. Черниговским полковым судьей был Яков Бакуринский, полковым писарем – Яков Рашевский, полковым есаулом – Семен Бакуринский, сотниками были Павел Сахновский, Василий Красовский, черниговским "гродским" писарем был Василий Колчицкий, значковыми товарищами – Петр Силич, Яков Бублик, Тимофей Кисель, Петр Красовский, сотенными атаманами – Федор Каменецкий, Яков и Иван Шихуцкие и др.²⁶

Старшинские должности занимало множество представителей шляхетского и казачьего рода Кононовичей. В 1700 – 1722 гг. Михаил Коно-

нович был белоуским сотником, позднее стал черниговским полковым есаулом. Все его сыновья стали казаками: Тимофей – обозным Сумского полка, Павел – значковым товарищем Черниговского полка (1732 и 1737 гг.), Иван – сотником Сумского полка, Яков в 1739-1751 гг. был значковым товарищем, а позднее войсковым товарищем Черниговского полка (с ноября 1760 г. трижды выдвигался на должность сотника). Младший сын Дмитрий был значковым товарищем Черниговского полка²⁷.

Множество старшинских должностей занимали представители семьи Бакуринских. В 1716 г. Яков Бакуринский был выбран Ройским сотником. В 1721 – 1724 гг. он входил в состав казачьего посольства в Москву, 1725 г. находился в "низовом походе", 1728 г. временно занимал должность Черниговского полковника. В 1729 г. гетман Д.Апостол собрался послать его в Москву с "прошениями в малороссийских нуждах". С 1733 г. известен значковый товарищ Иосиф Бакуринский. В 1732 и 1734 гг. Андрей Бакуринский брал участие в "польских" походах, 1737 г. – в Самарском и Коданком, 1738 г. – на Дон, а в 1740 г. – в "Турецком" походе. В 1734 г., с началом русско-турецкой войны, Яков Бакуринский участвовал в крымском походе. В марте 1737 г. Яков Бакуринский был отправлен "к Переяславу в поход на неприятеля". В том же году, он вместе с сыном Леонтием принимал участие в военном походе в Очаков. В 1770 г. Семён Леонтьевич Бакуринский стал черниговским полковым есаулом. В следующем году он отличился при осаде Перекопа. В 1776 г. находим его в сопровождении турецкого посольства через Польшу, в том же году он занял должность черниговского полкового судьи²⁸.

Самым известным представителем этого рода стал Яков Леонтьевич Бакуринский. С 1760 г. он служил в Генеральной канцелярии, в 1768 – 1771 гг. был генеральным писарем, 1770 г. – полковым есаулом, в 1771 – 1779 гг. – генеральным судьей Черниговского полка. В 1779 г. он получил ранг "сухопутного майора" и чин коллежского асессора, с 1786 г. стал главою палаты уголовного суда Черниговского наместничества. С мая по ноябрь 1777 г. – Черниговский губернатор, потом – вице-губернатор. В 1798 г. пошел в отставку в чине тайного советника. Своим стремительным продвижением по службе Яков Бакуринский был обязан брату своей жены Татьяны, одному из самых влиятельных лиц Российской империи, государственному канцлеру (с 1797 г.) князю А. Безбородко. В 1801 г. Я.Бакуринский составил завещание, в котором в частности, упоминались основанные им две "каменные избы для презрения бедных" и больница²⁹.

В Нежинском полку старшинские должности занимали представители рода Пероцких. В 1709-1725 гг. Иван Васильевич Пероцкий был значковым товарищем и Нежинским сотником. Пан Пероцкий входил в состав казачьей делегации в Санкт-Петербург, которая в 1722 г. привезла Петру I просьбу провести в Украине выборы нового гетмана. 1725 г. Пероцкий был арестован "за зраду"³⁰.

Безусловно, не все представители любечской шляхты заняли высшие должности в Гетманщине, много представителей этой общности стали

простыми казаками, мещанами, и даже крестьянами. Из за огромного количества мелких землевладельцев в XVIII в. в регионе увеличилась чересполосица, почти в каждом "шляхетском" селе фиксируем несколько десятков хозяйств. К примеру, в конце XVIII в. в с. Мысы и с. Антоновичи жило 113 потомков шляхетского рода любечских бояр Антоновичей¹¹.

Во второй половине XVIII – XIX вв. потомки любечской шляхты стали занимать военные и чиновничьи должности в новой российской администрации, а с конца XVIII в. стали получать статус дворян Российской империи.

Таким образом, новая национальная элита Гетманщины второй половины XVII – XVIII вв. в значительной степени состояла из представителей старой "дореволюционной" шляхты, в том числе служебной шляхты Любечского староства. Множество казацко-старшинских родов так называемой "новой" элиты, своими корнями происходили из "старой" элиты, которая в XV – первой половине XVII вв. уже занимала ведущее положение в регионе.

Примечания

¹ Когут З. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини: 1770-1830. – Київ: Основи, 1996. – С.18.

² Подробнее см.: Кром М. Меж Русью и Литвою: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. – М.: Археографический центр, 1995. – 296 с.; Русина О. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. – Київ: НАНУ, 1998. – 244 с.

³ Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли. Т.1. Литовский период. – Одесса: "Техник", 1912. – С.271.

⁴ Jablonowski A. Polska XVI wieku pod wzyladem Geograficzno-statystycznym // Tom IX. Ziemie Ruskie. Ukraina (Kijow-Braclaw). Dlas I-szy / Zrodla dziejowe. – Т.ХХ. – Warszawa: Sklad glowny w księgarni Gebethnera i Wolffa, 1894. – S. 26, 76.

⁵ Jablonowski A. Lustracyu Krolewsczyzn ziem Ruskich: Wolynia, Podola i Ukraina z pierwszej polowy XVII wieku. / Zrodla dziejowe. – Т.V. – Warszawa: Druk Jana Cetty (Senatorska, №28), 1877. – С.с. + 644 s. + 32 s.

⁶ Jablonowski A. Polska XVI wieku pod wzyladem Geograficzno-statystycznym... – S. 154-157, 159-164.

⁷ Яковенко Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. – Київ: Генеза, 1997. – С.204; Цербак В. Особовий та етнічний склад запорожців і реєстрових козаків // Наукові записки Національного університету "Києво-Могилянська академія". – Т.3. Історія. – Київ: "KM Academia", 1998. – С.77-78.

⁸ Лучицкий И.В. Материалы для истории землевладения в Черниговщине и Северщине (1603-1645) // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца (далее – ЧИОНЛ). – 1901. – Кн.ХV. – Вып.І. – Отд.ІІІ. – С.5-6.

⁹ Кулаковский П. Земські урядники Чернігово-Сіверщини у 1621-1648 роках // Центральна і Східна Європа в XV-XVIII століттях: питання соціально-економічної та політичної історії. – Львів: Львівський національний університет ім. Івана Франка, 1998. – С.119,125; Лазаревский А.Л. Исторические заметки о некоторых селах Черниговской губернии // Черниговская памятка на 1896/97 год. Карманная справочная книжка. – Чернигов: Губернская типография, 1896. – Отд.ІІІ. – С.1-2, 26.

¹⁰ Государственный архив Черниговской области (далее – ГАЧО). – Ф.133. – Оп.1. – Д.232. – Л.40-41; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф.1343. – Оп.30. – Ч.2. – Д.3397. – Л.7.

¹¹ Липинський В. Участь шляхти у великому повстанні під проводом гетьмана Б.Хмельницького / Твори. – Т.ІІ. – Філадельфія: СЕДІ, 1980. – С.131.

¹² Там же. – С.555-566.

¹³ Величко С.В. Літопис. Т.1. – Київ: Дніпро, 1991. – С. 214; Липинський В. Участь шляхти у великому повстанні... – С.155-157; Мякотин В.А. Очерки социальной истории Украины в XVII-XVIII ст. – Т.І. – Вып.І. – Прага: Издательство "Вагата и Плама", 1924. – С. 56,60-61; Універсали Богдана Хмельницького 1648-1657 / Упорядники І.Крип'якевич, І.Бутчак. – Київ: "Альтернатива", 1998. – С. 222-223.

¹⁴ Лазаревский А.Л. Акты по истории землевладения в Малороссии // ЧИОНЛ. – 1890. – Кн.4. – Отд.ІІІ. – С. 95-96; Центральный государственный исторический архив Украины (далее – ЦГИАУК). – Ф.57. – Оп.1. – Д.7. – Л.657-657 об.; Черниговский исторический музей (далее – ЧИМ). – Ал.-18. – Л.1; РГИА. – Ф.1343. – Оп.27. – Ч.3. – Д. 6069. – Л.31; Gajecy G. The Cossak Administration of Hetmanate. – Cambridge, Massachusetts: Harward Ukrainian Research Institute, 1978. – P. 75, 96.

¹⁵ ЦГИАУК. – Ф.57. – Оп.1. – Д.7. – Л.668.

¹⁶ Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т.1. – Київ: Типография Г.Л.Фронцкевича, 1908. – С.63; Лазаревский А.Л. Исторические заметки о некоторых селах Черниговской губернии... – С. 1-3; Лазаревский А.Л. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Вып.І. – Чернигов: Губернская типография, 1866. – С.30.

¹⁷ Gajecy G. The Cossak Administration of Hetmanate... – P.70-71, 85; Кривошея В. Деякі питання генеалогії козацько-старшинських родин Чернігівського полку // Сіверянський літопис. – 1997. – №1-2. – С.39-40; Кондратьев І., Кривошея В. Нариси історії Чернігівщини періоду козацтва. Любеч. – Київ: ППЕД НАНУ, 1999. – С.92.

¹⁸ Кривошея В. Деякі питання генеалогії козацько-старшинських родин Чернігівського полку... – С.39; ЧИМ. – 14-5/2 / Ал.-501. – Л.1; Павленко С. Золотий вік літургии (1625-1707 pp.) // Сіверянський літопис. – 1995. – №4. – С.67; Gajecy G. The Cossak Administration of Hetmanate... – P. 82.

¹⁹ Інститут рукописів Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського (далее – ИРНБУВ). – Ф.127. – Д.130. – Л.6 об.; Ф.1. – Д.1877. – Л.26.

²⁰ Кондратьев І., Кривошея В. Нариси історії Чернігівщини періоду козацтва... – С.40.

²¹ Мякотин В.А. Очерки социальной истории Украины в XVII-XVIII ст... – С.61; ЦГИАУК. – Ф.57. – Оп.1. – Д.7. – Л. 165-166.

²² Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Кн.6. – Чернигов: Земская типография, 1874. – С.223; Рігельман О.І. Літописна оповідь про Милу Росію. – Київ: Наукова думка, 1994. – С.394; Студунова Л. Чернігівські князі, полковники, губернатори. – Чернігів: "Деснянська правда", 1998. – С.33.

²³ Lustracya Dohr Krola Jmci w wojewodztwach trzech: Podolskim, Braclawskim, Kijowskim lezacych // Jablonowski A. Lustracyu Krolewsczyzn ziem Ruskich: Wolynia, Podola i Ukraina z pierwszej polowy XVII wieku / Zrodla dziejowe. – Т.V. – Warszawa: Druk Jana Cetty (Senatorska, №28), 1877. – С.196; Каманин И.М. Материалы по истории козацко-землевладения (1494-1668) // ЧИОНЛ. – 1894. – Кн.8. – Отд.ІІІ. – С.26; Акты об украинной администрации // Архив Юго-Западной России. – 1907. – Ч.VІІІ. – Т.V. – С.228.

²⁴ Василенко Н.П. Генеральное следствие о маестностях Черниговского полка 1729-1730 гг. – Чернигов: Типография Губернского земства, 1908. – С.154, 156.

²⁵ Папакин Г.В. Павло Скоропадський: патріот, державотворець, людина. Історико-архівні нариси. – К.: Державний комітет архівів України, 2003. – С. 147; Яковенко Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття... – С.283-284; РГИА. – Ф.1343. – Оп.17. – Ч.2. – Д. 4831. – Л.67.

²⁶ ИРНБУВ. – Ф.1. – Д.58232. – Л.1-33.

²⁷ Липинський В. Участь шляхти у великому повстанні... – С. 229; Gajecy G. The Cossak Administration of Hetmanate... – P.78.; Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии... – С.128; Кривошея В.В., Кривошея І.І. Сосниця кошичка. – Київ: ППЕД НАНУ, 1999. – С.13, 38.

²⁸ Татищев Ю. В. Черниговские архивы (отчет о командировке в Черниговскую губернию в 1899 году). – Харьков: Типо-литография “Печатное Д.”, 1901. – С.24; Ведомость полку Черниговского полковым старшинам, сотникам, значковым товарищам, сотенным старшинам и выборным козакам 1777 года // Черниговские епархиальные известия. – 1863. – №9. – 1 мая. – С.288.

²⁹ Лазаревский А.Л. Очерки старейших дворянских родов Черниговской губернии. Вып. I. – Чернигов: Губернская типография, 1868. – С.13; Татищев Ю.В. Черниговские архивы... – С.21-26; Материалы для истории Малороссии (Из архива гр. Милорадовича). – Чернигов: Типография Губернского правления, 1890. – С.13; Кривошея В. Деяки питання генеалогії козацько-старшинських родин... – С.36; ЦГИАУК. – Ф.57. – Оп. I. – Д.10. – Л. 605 об.

³⁰ Gajecky G. The Cossak Administration of Hetmanate... – P.149; Василенко Н.П. Генеральное следствие о маестностях Нежинского полка 1729-1730 гг. – Чернигов: Типография Губернского земства, 1901. – С.143-149; Лазаревский А.Л. Отрывки из дневника Гетманской канцелярии за 1722-1723 гг. – Київ: Типография университета Св.Владимира, 1897. – С.8, 24; Личный состав малороссийской козацкой старшины в 1725 году (Из архива Я.М.Маркевича.) Приложение // Киевская Старина. – 1904. – Т.LXXXVI. – №7-8. – С.20.

³¹ ГАЧО. – Ф.133. – Оп. I. – Д.23. – Л.300, 363-364.

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Белиновская Елена Александровна

Белгородский государственный университет

Автор делает попытку реконструировать психологические и организационные аспекты революционной деятельности женщин в России во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: женщина, революционерка, нигилизм, террористическая деятельность.

The author makes an attempt to reconstruct psychological and organizing aspects of women revolutionary activity in Russia within the second half of XIX – at the beginning of XX cent.

Key words: woman, revolutionary, nihilism, terrorist activity.

России во второй половине XIX в. захлестнула революционная волна. Либеральные идеи вообще, феминистические в частности, не вызывали широкой поддержки. Более популярными оказались идеи революционной нетерпимости, готовности отдать свою жизнь за достижение свободы и равенства, а также желание, «вернуть долг народу». Причем среди женщин они были еще популярнее, чем среди мужчин. Это было вызвано, во-первых, более тяжелым положением женщин, которые ощущали на себе двойной гнет: со стороны государства и со стороны мужчин. Отсюда у них

возникло желание уничтожить царя и правительство как главных, с их точки зрения, виновников угнетения. Во-вторых, культивированные веками такие женские черты как забота о других, самопожертвование, ставили для женщин на первый план борьбу за счастье народа. В-третьих, отсутствие у женщин политических прав делало выражение их интересов возможным практически только через революционную борьбу. Поэтому многим русским женщинам оказались ближе социалистические (а позднее и марксистские) идеи.

Активное участие женщин в деятельности революционных организаций, массовое привлечение их к судебной ответственности за политическую и террористическую деятельность характерно для России второй половины XIX в. Женщины входили во все крупные революционные организации того периода: в Большое общество пропаганды, Всероссийскую социально-революционную организацию, «Землю и волю», «Народную волю», «Землю и народ». В Большом обществе пропаганды они составляли 21,5% (22 человек)¹. В Исполнительный комитет «Народной воли» первого состава, насчитывающий 29 человек, входило 10 женщин. Всего на 211 политических процессах 1871-1891 гг. было осуждено 1160 лиц, в том числе 159 женщин (13%)².

Женщины принимали участие и во второй «террористической волне» (1901-1911 гг.), связанной, прежде всего с деятельностью Боевой организации партии эсеров. В этот период заметно возросло число женщин, непосредственных исполнителей террористических актов. По подсчетам американской исследовательницы Эми Найт, среди 78 членов Боевой организации, входивших в ее состав с 1902 по 1910 гг., было 25 женщин. Всего же ей удалось выявить 44 террористки, действовавших в составе различных эсеровских боевых организаций³. Эми Найт анализирует их биографические данные 44 эсеровских террористок и приходит к выводу, что их отличает высокое социальное происхождение и образовательный уровень, нежели их товарищей – мужчин. Из 40 террористок: 15 – дворянки или дочери купцов, 4 – разночинки, 11 – мещанки, 1 – дочь священника, 9 – крестьянок⁴.

На Белгородчине местом, где велась наиболее активно пропаганда народнических идей, являлось с. Беломестное Новооскольского уезда. Владелица имения Софья Александровна Субботина и три ее дочери – Евгения, Надежда и Мария стали активными пропагандистками. О самой Субботиной начальник КГЖУ полковник Пальшау в специальной депеше сообщал 6 сентября 1874 г. в департамент полиции министерства внутренних дел: «Образ жизни С.А. Субботиной резко отличается от других состоятельных владельцев, как, например, она не держит лошадей для своих личных поездок, у нее нет экипажа, кроме открытой тележки на дорогах, вообще она живет чрезвычайно просто, почти бедно; живет она в большом старинном помещичьем доме совершенно одна, со своей прислугой, состоящей из одной горничной и кухарки. С.А. Субботина сама управляет своим имением в Новооскольском уезде, даже без помощи приказчика или старосты, сама с утра до вечера смотрит за полевыми работами. Кроме это-